

Мариса

Костюк

Зав. сектором музейной педагогики
Восточно-Казахстанского музея искусств

ИСКУССТВО ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ...

*Я утратить искренность боюсь.
И, пройдя немало испытаний,
Мир, в тебе я после растворюсь,
Всё наполнив красками мечтаний.*

В 70-е годы XX века в Усть-Каменогорске трудилась большая группа выпускников художественных вузов Москвы, Львова, Одессы, Алматы: Л.Агейкин, А.Щур, А.Куклин, Э.Чубук, Н.Скурнягина, В.Рапопорт, К.Акашева, Н.Аштема и другие. Они придали мощный импульс развитию художественной жизни Восточного Казахстана, оказали огромное влияние на творческое мировоззрение местных художников. К этой прекрасной плеяде принадлежал и молодой, одаренный устькаменогорец Габдулмади Меркасимов. Творчество этого художника стояло особняком и не совсем вписывалось в привычные рамки понимания традиционного советского искусства. Г.Меркасимов был одним из тех художников, кто пытался переосмыслить навязываемые сверху эстетические нормы, выразить свое отношение к миру, человеческой природе, обществу.

Родился он в г.Усть-Каменогорске, рисовать начал в школьные годы, обучался в изостудии выдающегося художника-педагога Ефима Наумовича Годовского. Мальчик искренне любил и самого учителя, и его живопись. Каждое лето он проводил с ним в студии или на пленэре. Ефим Наумович был изумлен бурным потоком выдумки и фантазии маленького Толи (так звали его друзья, а впоследствии и художники-соратники). Он вспоминал, что был поражен работами маленького мальчика, которые «можно было рассматривать часами, как картины Брейгеля или Дюрера». А на листе был изображен, всего-то, сбор урожая. Человечки стояли на машинах и складывали в корзины большие арбузы, сидели в машинах, увозили урожай, другие ели арбузы, грузили, тут же пили воду из ведра, а один упал и повис, зацепившись за борт. Если Толя получал задание нарисовать слона, то тут же тот оказывался в зоопарке, и начиналось целое приключение. А к кофейнику, к примеру, пририсовывались шпага, шляпа, мушкетерские сапоги, и он превращался в сердитого мушкетера. Мысли маленького творца всегда опережали рисунок. Но, благодаря творческому и увлекательному процессу обучения у талантливого

преподавателя, в начинающем юном художнике были заложены основы развития чувства цвета, формы, понимания материала, сформирован стойкий интерес к творческой деятельности. Плодотворные занятия позволили в дальнейшем не только применять знания, но свободно и легко выражать живописно и графически собственные мысли и суждения.

По окончании школы он поступил в Алматинское художественное училище, которое окончил с отличием. Затем был Ленинградский педагогический институт, отделение художественной графики. Три года работал в Москве. Это был хороший опыт для молодого таланта, которому прочили блестящее будущее. Волею судьбы в 1975 году вернулся в Казахстан, жил в Алма-Ате, работал при студии «Казахфильм» в мультицехе. Близкие и друзья воспринимали его работу не более чем ребячество, мелкотемье, недостойное меры его таланта. Но Толе очень легко давалась работа на детские темы, может быть, потому, что он так и не смог до конца расстаться с миром своего удивительного детства. Он очень любил детей, понимал их, иллюстрировал детские книги («Волшебный камень», «Три медведя»). Образы медведей к сказке Л. Толстого на казахском языке получились колоритными, с детальным отображением сказочных нюансов и особенностей. Габдулмади обладал редким для художника качеством: мог гармонично соединить образ и слово. Иллюстрации к рассказам Сентон-Томпсона «Жизнь животных» созданы с высокой реалистичной выразительностью, образы животных словно вырастают из текста и заполняют пространство листа. По достоинству была оценена авторская работа к мультфильму «Золотая бита». Как художник-постановщик автор получил Государственную премию, а сам фильм вошел в золотой фонд советских мультфильмов.

В 1977 году Габдулмади возвращается в родной Усть-Каменогорск, работает в художественно-производственных мастерских. За оптимистичный нрав, щедрую душу, спокойный, уравновешенный характер, вдумчивое, глубокое понимание выбранной темы он пользовался признанием и уважением коллег. Он был читающим художником. В мастерской, как вспоминают его друзья, никто больше Меркасимова не читал. Интересовался психологией, философией, мировой художественной культурой. Конечно, как и другие художники, брал заказы, но никогда не укладывался в сроки. Он не мог работать «по конвейеру». За кисть брался внезапно, по зову сердца. Писал всегда вдохновенно, одержимо, сутками напролет, отрешаясь от всего суетного. В это время им было выполнено много эскизов к так и незаконченным произведениям. В них – отточенная, совершенная графика. Как говорили художники, эти высокохудожественные произведения были достойны музейной среды. Немного станковых работ и эпических росписей оставил после себя художник. Ушел из жизни в расцвете сил, так и не успев полностью реализоваться. Но талант измеряется не количеством, а качеством. Он просто не торопился, подолгу вынашивал замысел. Его росписи в различных учреждениях города и области грандиозны по размерам, с определенной тематикой: исторические и знаменательные события советской страны. Выполнены они в лучших традициях соцреализма, но с «меркасимовским» подходом. Главная отличительная особенность – действия и сюжеты, разворачивающиеся во всех планах, заполняющие все живописное пространство. Художник осмыслял композицию по-своему: в ней не было ни начала, ни середины, ни конца, а каждое остановленное мгновение было значимо и извечно.

Противоположность «идейным» монументальным росписям – его станковые произведения. В них – налицо очевидное родство мироощущения современного живописца с народной этикой, традиционной культурой казахов. Герои его полотен оказываются если не носителями традиционного сознания, то, во всяком случае, людьми гармоничными, цельными, сохранившими национальную духовную и генетическую память. В то же время, им присуще неуловимое состояние мечты, легкого, чуть грустного философского раздумья (*«Моя семья», 1971, «Лето» 1977*). Особое таинство, присущее этим полотнам, пересказать трудно. В них нет активного, очевидного действия. Страстная и молчаливая сосредоточенность, напряженная созерцательность приближают их бессобытийность к абсолюту. Это внешнее «недеяние» воспринимается как универсальный опыт, результат обретенной мудрости. Вековое спокойствие Востока перед лицом судьбы и мощный заключенный в этом покое потенциал считываются с полотен. Цвет подается художником как субстанция, находящаяся на пределе собственных выразительных возможностей. То лирико-поэтический, то эмоционально-энергетический он подчиняется условиям авторской воли, задачи, цели. Специфический характер красочных сочетаний близок к классике народного искусства, где главная смысловая идея вписана в четкость колористических решений.

В 1980-е годы многие художники обращаются к исторической теме. Яркие страницы истории Казахстана явились тем благодатным материалом, на основе которого расцветает самобытность в творчестве, появляется национальный колорит, возникают легендарные личности. В этот период было создано много интересных и достойных произведений. Авторы работ внесли свои принципы, свой взгляд на историю народа. Г. Меркасимов был одним из первых художников в Восточном Казахстане, который обратился к данной теме. В 1987 году он создает графическую работу *«Кочевники»*. Главным достоинством произведения является полнота позиции автора. В отличие от художников, которые благоговейно и возвышенно относились к далекому прошлому, Меркасимов не стал избегать показа борьбы и драматизма. Без экстатического восторга он представил суровую действительность жизни кочевого народа. Картина потрясает своей правдивостью, иным взглядом на происходящие события. Каждый изображенный человек для художника – главный герой. Для каждого автор нашел характерные позы, жесты, сложные ракурсы, выражения лиц (суровые, измученные, усталые), которыми подчеркивает их жизненную убедительность. Создается впечатление, что все кочевое племя замерло на минуту, чтобы дать возможность сделать автору эскиз, а затем нелегкий путь продолжится дальше. Сам рисунок поражает виртуозностью, уверенностью, удивительной легкостью и свободой исполнения. Каждая деталь насыщена подлинной силой и убедительностью. Линии, штрихи подвижны, они вторят мыслям художника. В них есть звенящая острота и изящная пластика. Композиция картины панорамная, устойчивая. Сильно вытянутый формат картины дает ощущение устойчивости не только самого произведения, но и тех устоев и принципов, по которым живет это племя. В этом произведении художник стремился на интеллектуальном уровне осмыслить основу бытия, проникнуть в истоки, корни, сюжеты, архетипы, традиции в содержательном, философском, мировоззренческом аспекте.

В переломные 1990-е годы искусство выходит из полудетской, наивной веры в справедливость. Настроения отрицания и порицания заполняют сферу живописи.

Жизнь представляется художникам драмой, многие пытаются определить ее причины. Одни видят ее в расколе внутреннего мира человека, другие – в конфликте человека и социума, третьи – в дисгармонии между человеком и природой. В интерпретации разнообразных художественных приемов, помогающих раскрыть тревогу, депрессию или смятение, прослеживались две тенденции: открытый негативизм и скрытый трагизм с надеждой на возможность возрождения. И здесь Меркасимов был в теме. Проблема взаимоотношений человека и природы мучила художника, заполняла его душу. Как человек, искренне верящий в добро и справедливость, думающий о необходимости срочной помощи человеку на этой земле, и земле, страдающей от человека, художник, патриот и гражданин Меркасимов деликатно раскрывает ее в своей значимой работе *«Вид на район Стройплощадки» (1991)*. Из окна своего общежития художник восхищается красотой города: охристо-коричневатой прошлогодней кроной деревьев, расцвеченными в разные цвета одноэтажными домиками с заснеженными крышами, яркой одеждой детей, катающихся на коньках. Но великолепный, светоносный, воздушный пейзаж представляется миражем, который вдруг может исчезнуть в дымящих трубах индустриального города. Сизый дым зловеще плывет по небу, пытаясь поглотить все живое на своем пути. Делая акцент на смысловую сторону, художник с большим душевным переживанием обращает внимание на отрицательное воздействие человека на природу, его грубое вторжение в окружающую среду. «Он очень болезненно воспринимал вопросы экологии, всегда нервничал, переживал», – говорит жена художника Гульназ. Образ города подан автором не привлекательным объектом цивилизации, а скорее источником негативных перемен. Единственным местом спасения, прибежищем и способом сохранения необходимых для выживания человека принципов жизни и отношений была для художника семья. В этом произведении внешний беспощадный мир он изображает за окном, а мир любви и добра остается рядом с ним, в семье, где он всегда находил внимание и поддержку. Остаются рядом и милые его сердцу предметы: плюшевый мишка, яблоко на блюде, шар, снятый с елки, стеклянная банка с плавающими рыбками. Воплощая дисгармонию человеческой жизни, Меркасимов претворяет брейгелевские живописные приемы: раскрытие нескольких эпизодов, объединенных одной темой, умелое использование колористических контрастов и высокой точки зрения, помогающей достичь впечатления грандиозности, масштабности происходящего. «Вид на район Стройплощадки» остается хорошим напоминанием потомкам о необратимости последствий подобного обращения с миром природы.

Последняя картина художника *«Бақсы» («Знахарь», 1993)* написана под впечатлением сенсорных способностей старого друга из Алматы. Автор решает перенести действие на столетие назад, в казахскую степь, когда такие люди были единственной надеждой и спасением кочевников. В интерьере юрты – спящие дети, встревоженный муж, а в центре композиции – величественный и сосредоточенный бахсы, совершающий магию исцеления. Художник передает напряженность момента, когда рукой лекарь создает мощное энергетическое поле над лежащей больной женщиной. Художник восхищен цельной, сильной личностью, свое ощущение он трансформирует в живописный стиль. Приемы, раскрывающие понимание Меркасимовым картины происходящего, убедительно просты. Присущие народному искусству четкость силуэтов, крупные цветовые модули, строгая

тектоничность композиции, гибкость линейного строя рисунка превращаются в исконный национальный стиль. Тревожные звучные краски полотна – красные, желтые, бордовые поддерживают эмоциональный накал картины. Дверь юрты открыта, и силы неба и родной земли помогают целителю осуществлять магическое действо. В данном случае художник избирателен. Он идеализирует своего героя. Через художественный образ, олицетворяющий лучшие проявления человеческой природы, Меркасимов пытается внести чувство гармонии, равновесия мироздания. Картина написана в год его преждевременной и нелепой смерти (падение, ушиб живота, которому он сначала не придавал значения). Он мучительно умирал два месяца, но не терял самообладания, напротив, находил силы утешать родных и близких ему людей.

За свою непродолжительную творческую жизнь Габдулмади Меркасимов успел обратить на себя внимание, внести в становление и развитие изобразительного искусства весомый вклад. Как носитель национального миропонимания и мировосприятия художник старался передать свое восприятие истории казахского народа, его жизненного уклада, системы ценностей в присущей ему изобразительной стилистике. Нравственная и духовная красота человека, национальный дух, чувство жизни природы в единстве и бесконечном разнообразии ее проявлений были источником вдохновения для художника. Воплощая в произведениях суть настоящего, как момента стыковки прошлого и будущего, художник вплотную приблизился к традиционному осознанию времени. Напряжение скрытых внутренних процессов, нарастающее медленно, но неуклонно присуще творчеству Г. Меркасимова. Его творчество вдохновляет, заставляет размышлять, действовать, верить в собственные силы, дает надежду на будущее. Работы автора находятся в Государственном музее им. А. Кастеева в Алматы, Восточно-Казахстанском музее искусств г. Усть-Каменогорска, частных коллекциях Москвы, Санкт-Петербурга.

...С портрета художника А. Ахвердяна смотрит на нас лицо его друга Габдулмади Меркасимова, человека с глубокомысленным и таким трогательным, по-детски незащищенным, ясным, открытым взглядом. И мы, ценители его творчества, родные и близкие, знаем, что художник не умер, он ушел в холсты. Его искреннее и притягательное искусство продолжает жить, наполняя мир и наши души «красками мечтаний».

